

Евгений Чернобыльский

Новый Вавилон

Евгений Чернобыльский

Новый Вавилон

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Чернобыльский Е.

Новый Вавилон / Е. Чернобыльский — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Искать внеземные цивилизации и считать себя единственным разумным видом на Земле – это так по-человечески! Мы устремили мечтательные взоры в небо, забыв исследовать собственную землю, и нас справедливо наказали. Семён не ученый и не военный. Он вынужден адаптироваться и учиться. В новом мире войны всех против всех, он выживает в борьбе против опасных разумных существ. На затерянном брошенном острове сложно сохранить дружбу и не потерять человеческий облик. Никаких законов и государств, все народы мира представлены в Новом Вавилоне. Герою предстоит пройти длинный путь, чтобы выжить и разобраться в себе. Найдёт ли он свою цель и силы защитить человечество? И да, никакой фантастики, только эволюция.

© Чернобыльский Е., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Пролог

Батискаф уверенно уходил под воду, и немногочисленная команда прильнула к двум небольшим иллюминаторам. По мере погружения единственным источником скудного света служили четыре прожектора, прикрепленные к корпусу подводного аппарата.

Управление сложной системой батискафа, сконструированного по специальному заказу богатой американской семьи, было возложено на самого эпатажного члена экипажа – Натана Стивенсона. Двадцатипятилетний отпрыск влиятельного рода с недавних пор действовал самостоятельно, вопреки желаниям и чаяниям своих многочисленных родственников. Натан обладал яркой внешностью. Спортивная подтянутая фигура, приятное чистое лицо, искрящиеся жизнерадостностью глаза.

– Всё по плану? – спросила Катрин, еле скрывая нервное возбуждение.

– Не сомневайся, – уверенно ответил Натан.

Катрин вздохнула и повернулась к иллюминатору. Ей было очень страшно, и она отчаянно сожалела о смелом, но, несомненно, авантюрном решении погрузиться на глубину. Легкую истерику останавливало только присутствие Мары, этой невозмутимой и нахальной русской девки. Неприязнь Катрин не имела ничего общего с национальной принадлежностью Мары, москвичка просто раздражала своей красотой и сумасбродностью, которая покоряла всех окружающих мужчин. Сама Катрин Лоуренс не могла похвастаться привлекательной внешностью и отчаянно из-за этого комплексовала. Особенно в присутствии Натана.

– Я хочу это увидеть сам, но свет пробивает максимум пару метров. Нам можно подплыть вплотную?

Антон непрерывно теребил свои чётки и всматривался в темноту. Нервное напряжение будто не касалось его, а возможно всё волнение уходило в отполированные камешки чётков. В любом случае, именно он был инициатором этого плавания и пытался выглядеть уверенным.

– Это ты нам скажи, – парировал Натан.

– Нас должны ждать. Думаю, мы имеем право проплыть в непосредственной близости. От тебя потребуются всё твоё мастерство.

Натан Стивенсон потратил бесчисленные часы для обучения управлению аппаратом и отвечал за безопасность погружения. Коммерческие батискафы по-прежнему были роскошью, но постепенно переставали быть чужим-то по настоящему удивительным. Словно личные самолеты, подводные аппараты стали доступными игрушками богатых людей.

Основной проблемой пилота батискафа являлось отнюдь не давление воды, которое, разумеется, увеличивается с глубиной. Главная опасность таилась в ограниченных возможностях обзора – глубоководный аппарат постоянно находится под угрозой столкновения со скалами или другими препятствиями. Из-за особенностей распространения акустических волн встроенный локатор не всегда может быть надежным помощником пилота.

– Как же мы прощелкали их, Антон? – вокруг ничего не происходило и Стивенсону хотелось поболтать. – Две такие сверхдержавы...

– Увлечлись холодной войной и космосом. В океане копать сложно и дорого.

– Ну да, всё ищем взеземные цивилизации в дальних галактиках, – фыркнула Мара, первый раз подав голос с момента погружения.

– Когда ты это знаешь, то всё кажется логичным и предсказуемым, – наставительно проговорил Антон, – а расскажи населению Земли о наших соседях просто так, без доказательств, и тебя поднимут на смех.

– Я до сих пор не верю, – добавила Катрин.

– Раз большинство такие глупцы, то мы всё задумали правильно, – подвел итог Натан и сосредоточился на индикаторах панели управления.

Родители членов экипажа легкомысленно отнеслись к увлечениям своих избалованных детей. Однако все четыре отпрыска богатых семей в батискафе отличались от обычной золотой молодежи. Они обладали целеустремленностью и особым упорством в достижении целей. Неиссякаемые семейные ресурсы позволяли заниматься разнообразными исследованиями, а праздный образ жизни оставлял уйму времени для общения с новыми людьми, знакомства с новыми, порой страшными идеями. Кто ищет новые идеи, обязательно их находит. Пусть и идея состоит в перевороте планетарного масштаба.

Молодые люди в глубоководном аппарате быстро наелась грандиозными вечеринками, машинами и яхтами – атрибутами богатой разнузданной жизни. Теперь целью молодых людей стали глобальные социальные эксперименты. Непредсказуемость и масштаб. Отношение к человечеству? Люди лишь средство, а найти философское обоснование готовящимся изменениям всего-навсего технический вопрос.

– Когда всё начнется? – Катрин редко вникала в суть, ей просто нравилось быть рядом с Натаном.

– Не позднее чем через год. Если не произойдет непредвиденного. Мне очень не нравится американский флот у берегов Кореи.

– У нас все подготовлено, пусть начинают хоть завтра, – беззаботно прокомментировала Мара. – Я вылетаю в пункт управления через неделю и не собираюсь возвращаться.

– Не будешь скучать по игристому? – подколот девушку Антон.

Мара опять фыркнула и отвернулась. Многие считали их с Антоном парой, но они никогда не планировали быть вместе. На самом деле молодая женщина боялась друга детства, его планы на первые годы нового мира приводили её в неподдельный ужас. Мара искренне увлеклась перспективами нового мира, но Антон... для него происходящее было игрой.

– Ты так и не расскажешь, где этот Новый Вавилон? – Натан следил за приборами, но не переставал участвовать в разговоре.

– Только если ты присоединишься к охоте, – безэмоционально ответил Антон.

– Нет уж. Мне интереснее наблюдать со стороны. Не обижайся, чувак, но ты задумал какую-то дичь.

– Мой взнос на общее дело позволяет выбрать развлечения.

Неторопливую беседу прервал противный предупредительный сигнал. Система управления сообщала о погружении на заданную глубину.

– Четыре тысячи. Дальше на этом аппарате не заплывать.

– Нам указали именно эту глубину.

– Я их вижу!

Мара с остальными вплотную придвинулась к иллюминаторам. Скучный свет вырывал из темноты именно то, ради чего новые хозяева мира пошли на столь опасное предприятие.

Глава 1

Три года назад. День первый.

– Русские! Ну, наконец-то! – оголтелый старик с несуразной копной седых волос отчаянно орал и жестикулировал. – Как я рад братушки, родные вы мои!

В полутемном помещении ощущалось легкое движение теплого воздуха. Я не мог поднять голову. Силился, но шея не слушалась. Всё тело было скованно неведомой силой, я почти не чувствовал руки и ноги, пытался напрячь мышцы – всё было тщетно. Оставалось крутить головой. Я лежал почти в середине большого сарая, собранного из бамбука.

Справа стояли грубо сколоченные лавки, функционально напоминавшие койки. На двух бамбуковых лежанках в беспамятстве ворочались Марина и Вероника. Чуть дальше виднелся просвет – выход из странного помещения. На улице покачивались пальмы, тропическое солнце стояло высоко, и яркий тёплый свет переливался на качающихся под ветром листьях.

Впереди я насчитал ещё две лежанки. На них в беспомощных позах сидели Миша с Пашкой. Они пытались прийти в себя, мотали головами. Миша обессиленно скрючился и держался за живот.

– Скоро, скоро всё пройдёт, – старик не унимался, он подпрыгивал и ежеминутно энергично хлопал себя по голым ляжкам.

Странный тип. Безумные, но счастливые глаза, лицо заросло седой бородой, выстриженной лесенкой. Он давно не был в парикмахерской и, видимо, отсекал свои кудри на бороде тупым инструментом. Старик был одет в какие-то лохмотья, закрывающие плечи и пах. Сухое загорелое тело извивалось в идиотской радостной пляске. Старик хлопал по плечам Мишу и с энтузиазмом пересчитывал нашу группу.

– Пять парней и три девочки, великолепно!

Девочками он называл Марину с Вероникой. В нашей группе еще Лариса, значит, все три здесь. Голова с трудом поворачивалась налево, больше я никого не видел, но ребят в нашей группе тоже пять. Включая меня.

Старик выбежал из бамбукового сарая и практически сразу вернулся. Он притащил какие-то круглые кружки и напоил сидящих впереди парней, потом перешёл ко мне. От него пахло морем и каким-то мускусом.

– Пей дружок, сразу отпустит.

Неизвестный благодетель был удивительно аккуратным и заботливым. Подхватив мою голову одной жилистой рукой, он приподнял меня и с практически материнской нежностью влил в горло прохладную жидкость. Это была не вода. Возможно кокосовое молоко или легкий коктейль из неизвестных растительных составляющих, по крайней мере я не почувствовал никаких химических ноток, свойственным современным напиткам. Жидкость приятно растекалась по организму. Стало легче, еще минуту назад я с трудом сглатывал вязкую слюну.

Старик перебежал дальше, я не видел его.

Миша попытался встать, его закачало, но он устоял. Сделав пару шагов, он уперся рукой в косяк дверного проема и замер в скрюченной позе, словно уставший после пьянки посетитель ночного клуба.

– Погодь браток, не торопись. Дай себе еще полчаса, – старик догнал Мишу и усадил его обратно на лавку. – Все оклемаетесь родненькие, не переживайте.

Старик оглядывал нас с видом любящей бабушки, которая не может оторвать счастливого взгляда от многочисленных внучков и внучек.

Мне становилось ощутимо лучше. Я разминал пальцы на руках и ногах, мог дышать полной грудью и голова постепенно прояснялась. Неприятный тяжелый шум рассеялся. Странное похмелье проходило, но вместе с сознанием нахлынули вопросы. Я засыпал на яхте в открытом море, а теперь пытаюсь прийти в себя в неизвестном месте на суше с безумным стариком в качестве няньки.

Как это возможно?

***

Мы вылетели из Москвы в начале декабря. Большая группа друзей, большинство коренные нижегородцы. Меня с Пашей и Мишей можно назвать старыми товарищами. Мы вместе учились. Прошли одиннадцать лет средней школы с математическим уклоном. Остальные ребята из нашей компании были московскими друзьями Михаила, его столичная тусовка. Все девушки – жёны и подруги – шли, так сказать, прицепом.

Мишаня, как его называли абсолютно все после первой встречи за добрый нрав и открытость, регулярно собирал своих друзей и устраивал сумасшедшие по сложности маршрутов и стоимости путешествия. На этот раз он уговорил присоединиться и меня – раньше я регулярно

отказывался по экономическим соображениям. С Пашей я, разумеется, был знаком, он перебрался в Москву несколько лет назад вслед за Мишей. А вот Вадима и Артёма увидел только в аэропорту.

Все члены туристической группы были повязаны энтузиазмом и харизмой Миши. Он был идеологом путешествия, вдохновителем и главной движущей силой. Вероника была представлена пассивной Михаилом, его зазубкой и музой. Мы с Пашей украдкой посмеялись над пафосным и красочным представлением очередной девушки нашего друга. Он был легкомыслен в отношениях. Наверное, причиной его непостоянства можно считать насыщенную и тяжелую деловую жизнь. Миша очень много работал без выходных и гармоничные серьезные отношения, равно как и семья, были, вряд ли, возможны.

Вероника просила называть её Викой, ей было что-то вроде двадцати пяти, и она легко влилась в компанию. Приятная внешность, без новомодных тюнингов лица, дружелюбный характер и озорство в глазах расположили всех парней к новой Мишиной пассивности. За двух остальных девушек поручиться сложно, женщины, как известно завистливы, к тому же Лариса с Мариной были давно и беспросветно замужем. Кроме того, они были нашими ровесницами и десять лет разницы с Вероникой, очевидно, сказывались на внешности.

Лариса, жена Артема, мне не понравилась сразу. Она была симпатичной, но раздражала своими пафосными замашками. Обвешанная брендовыми сумками, Лариса влетела в зал ожидания аэропорта и при всем честном народе принялась критиковать бюджетный кофейный аппарат (мы расположились в зале повышенного комфорта), скудный выбор закусок довел молодую женщину практически до истерики. Понуры Артём поплелся покупать шампанское в баре для успокоения своей благоверной. Паша знал всю компанию и со снисходительной ухмылкой отрекомендовал Артёма как знатнейшего подкаблучника.

– Всё для неё делает. Любые капризы и прихоти. Не знаю, как терпит, – добавил Миша и побежал вдогонку за Артёмом, рассудив, что шампанское нужно брать на всех.

Миша по праву считался душой компании. Он был добрым и щедрым человеком, стремился создать уют и комфорт везде, где появлялся. К слову, офис его компании на мой скромный взгляд дал бы фору гуглу, яндексу и прочим знаменитым френдли корпорациям. Миша стеснялся, когда выплыла наружу история о его помощи своей сотруднице. У девушки, молодой одинокой матери, диагностировали меланому, и Михаил до сих пор оплачивал лечение и многочисленных нянек для ребенка.

Мы остались в компании Марины и Вадима.

Марина. Мариной я любовался украдкой, изо всех сил скрывая свой интерес. Её хотелось рассматривать не отрываясь. Она обладала той редкой таинственной привлекательностью, когда ты при всем желании не можешь назвать отдельные очаровывающие черты, выделить что-то конкретное, но и не можешь оторвать свой взгляд. В Марине привлекала мягкость и женственность. Она не притягивала молодостью, как Вероника, она была Женщиной. Такая спутница – неудачное начало долгой поездки: недолго и влюбиться.

– Семья Потаповых, – дружелюбно представился Вадим, и я со стыдом заставил себя не смотреть на Марину.

Распив шампанское, мы начали своё долгое путешествие. Практически сутки провели в дороге с многочисленными пересадками, чтобы добраться до места старта.

Вся поездка была распланирована и организована в высшей степени профессионально. Специально обученный сложным маршрутам турагент распisał насыщенную программу с яхтой и дайвингом, пешим туризмом по островам Океании и знакомством с местными племенами. Под конец поездки нам предстояло прожить три дня в селении аборигенов, отставших от человеческой цивилизации на пару тысяч лет.

Расписание было плотным, мы предвкушали интенсивный отдых. Мне нравилось всё за исключением дайвинга. Я имел опыт плавания с маской и трубкой. Это называется сложным

словом снорклинг. Но ощущения от ныряния совсем не понравились. Я чувствовал себя дискомфортно, и к дайвингу не собирался приближаться ни под каким предлогом. Оставалось загорать на яхте, в то время как остальные будут нырять.

На третий день путешествия в открытом море (или океане, не силён в этом вопросе) я начал скучать. Уставшие, вымотанные многочасовым нырянием дайверы укладывались спать с закатом, а я сидел на палубе и рассматривал ночное небо. Это красиво, но три дня подряд чересчур. Книги в дорогу я опрометчиво не взял, опасаясь лишнего веса в пути, и теперь жалел о своей непредусмотрительности.

«Пора спать», – решил я и, допив стаканчик виски, предусмотрительно купленного в дьюти фри, отправился в свою спаленку. На яхте было пять тесных кают, так что я счастливо избежал участи делить одно помещение с Пашей, вторым холостяком в нашей компании.

Раздевшись до трусов, бухнулся в койку. Лунный свет уютно освещал каюту, я немного полюбовался звездным небом через открытый иллюминатор и поразмышлял ни о чем. Яхта убаюкивающе покачивалась на волнах. С интересом прислушался к тишине – никто из наших парочек не шумел, видимо устали и спят без задних ног. За перегородкой в соседней каюте отчетливо похрапывал Пашка. Виски приятно растекалось по организму, хмель слегка одурманил голову, и я погрузился в сон.

Кожа на груди неприятно покалывала. Непроизвольно махнув спросонья рукой по зудящему месту, я с ужасом наткнулся на что-то влажное и склизкое. Еще была ночь, луна по-прежнему освещала каюту, но теперь мне не хватало её света, на моей груди громоздилась отвратительное пульсирующее существо. Не знаю, что это было. Медуза или некий слизняк, полупрозрачная и мокрая мокрица возвышалась примерно на пятнадцать сантиметров надо мной. Было противно и страшно.

Я пытался. Пытался скинуть эту тварь со своей груди. Первое движение ничего не дало. Рука, упершись в существо, скользнула вверх. Мерзкое существо еле заметно зашевелилось, скорее начало пульсировать. Прикасаться к этой железообразной гадости было отвратительно, но в ответ на моё невольное прикосновение существо начало переливаться разными цветами. В её маленьком теле происходили процессы, напоминающие электрические разряды. В другой ситуация я мог посчитать такие переливы внутри медузы красивыми и завораживающими. Маленькие искорки подсвечивали прилипшую ко мне гадость изнутри, я мгновенно вспотел, увидев малюсенькие щупальца-коготки, которыми эта тварь впилась в мою кожу.

Мгновения, которые разделяли мое вынужденное пробуждение и разноцветное пульсирование существа, вместили ужас, отвращение и панику. Смятение только усилилось, когда, попытавшись скинуть с груди полупрозрачного слизняка, мои руки отказались повиноваться. В панике, заполнившей весь мой разум, я пытался дергаться всем телом, перевернуться, упасть с полки, всё что угодно, лишь бы двинуться и избавиться от прилипшей прозрачной гадости. Однако все мои отчаянные попытки приводили только к легкому покачиванию торса.

Ужас, отчаяние и смятение окончательно завладели мной. Я не мог шевелиться и начал задыхаться. С каждым вздохом мои легкие вбирали всё меньшее количество кислорода, виски стучали отбойными молотками, а пот покрывал лицо. Я пытался успокоить сердце, взять себя в руки и дышать маленькими ритмичными вздохами, но онеменение всего тела и паника трясли и лихорадили разум. Я задыхался и терял сознание.

***

– Давай, давай дружок, – старик подбадривал меня и помогал подняться.

Большинство ребят уже пришло в себя. Я смог сесть и оглядеться – здесь была вся группа, включая двух незаметных туземцев из экипажа яхты. Это были низкорослые сухие ребята и, как и мы, они пытались восстановиться от странных событий прошедшей ночи.

Лохматый старик помог мне усесться на лавку, где уже разместились Миша с Вероникой. Рядом сидели Пашка и оба Потаповых. Артём присел возле Ларисы на соседней койке. Вся компания выглядела потрепанной, словно несколько человек приходили в себя от наркоза или транса.

– Меня зовут Геннадий, друзья, – торжественно представился старик. – Прошу не пугать никого таким громким именем и обращаться ко мне Гена.

Геннадий и правда длинное и тяжелое имя, но обращаться к пожилому человеку, хоть и напоминавшего стареющего хиппи, лаконичным «Гена» было как-то дико. Эта мысль прошла в голове фоном, я по-прежнему не мог сосредоточиться.

– Я буду вашим, так сказать, наставником некоторое время. Обращайтесь ко мне со всеми вопросами. Я очень рад увидеть соотечественников, и постараюсь организовать поблажки, – Геннадий заговорщицки подмигнул. – Эй, Пятница! Неси еду, – скомандовал кому-то старик и довольно захихикал.

В помещение вбежал смуглый туземец, он тащил в руках множество чашек, которые, как я теперь разглядел, были сделаны из кокосов. В импровизированных глубоких тарелках нам подали нарезанные кубиками фрукты. К каждой порции прилагалось несколько острых палочек, ими нужно было насаживать кусочки местных деликатесов. Туземец раздал всем по чашке и выбежал прочь.

Мы медленно, с опаской и недоверием принялись за еду. Фрукты были сочными и прохладными, после первых кубиков, я, не раздумывая, переместил всё содержимое чашки в себя. Было вкусно.

– Папайя. Вот это, наверное, авокадо, – подала голос Вероника. Она разглядывала каждый кусочек, неспешно клала фрукты в рот и смаковала вкус.

– Кушайте, кушайте, – Геннадий был в восторге от нашего аппетита. – Если нужна добавка, то Пятница принесет ещё.

Пока все доедали фрукты, я разглядывал помещение. Сарай из бамбука без окон и с открытой настежь широкой дверью. Стены и крыша были сделаны добротной, я не видел прощелков между палками. В самом помещении я насчитал шесть опорных столбов из толстого бамбука и 16 коек-кушеток из того же материала. Пол был земляной, основательно вытоптан и утрамбован. Помещение получалось просторным – примерно шесть метров в ширину и раза в три больше в длину.

– Пятница мой помощник, – Геннадий ожидал вопросов по поводу смешного прозвища своего подручного, но, не дождавшись нашего интереса, решил сам поделиться своей находчивостью.

– Как в Острове сокровищ? – Вероника доела свои фрукты и смотрела на Геннадия с невинным любопытством. Перепутать «Остров сокровищ» с «Робинзоном Крузо» было в нашей ситуации простительно.

– Ну, почти, – Старик был очень рад интересу со стороны девушки, но смутился её ошибке. – Ах, как приятно говорить на родном языке, – Геннадий выглядел счастливым и мечтательным.

– Давай-ка Гена объясни, что мы тут делаем, – Вадим встал с лавки и грозно направился к старику.

– Присядь браток, – Геннадий ничуть не смутился тону и панибратству со стороны Вадима. – Сейчас всё расскажу. Присядь, говорю!

Вадим продолжал идти на старика и тот резко перешел на решительный и жесткий тон. Геннадий схватил короткую палку, прислоненную к стене сарая, и ощутимо ткнул ею Вадима в грудь.

– Эээ, – замычал Миша, видя, как друга пошатнуло и откинуло назад.

– Всем сидеть смирно или перемкну, – Геннадий стоял с палкой наперевес и, несмотря на свою несурзную лохматую прическу, выглядел очень внушительно.

Вероника ойкнула, а Марина подтащила к себе Вадима, и вместе с Пашей усадила его на бамбуковую койку.

– Так-то лучше, – Геннадий окинул нас взглядом и его тон потеплел. – Вы приходите в себя и скоро можете начать чудить, поэтому я быстренько обрисую вам ситуацию. Главное, что вы сейчас должны понять – вы на острове и вы в плену.

Старик ждал нашей реакции. Мы начали медленно недоуменно переглядываться. Я разминал затекшие руки и ноги, чувствовал все конечности и, наконец, мог управлять своим телом. Судя по всему остальные тоже достаточно восстановились. Мы могли задать старику трёпку и выбраться из этого места.

Я видел, как Вадим подобрался и злобно поглядывал на старика. Павлик тоже был готов к драке, он вопросительно посмотрел на нас с Мишей, мы кивнули в ответ.

– Я вас не задерживаю, – старик отошел от выхода из сарая, словно понимая наши намерения. – Сегодня на острове почти никого нет и передвигаться практически безопасно.

Первым на улицу рванулся Вадим. За ним последовали Миша с Вероникой и Паша. Марина осталась на месте и смотрела на меня растерянными глазами, она явно побаивалась, и я постарался ободряюще улыбнуться. Мы все были в трусах и футболках, не только меня выдернули сюда из кровати. На Марине была лёгкая маечка, тяжелая высокая грудь просвечивала через ткань, пришлось заставить себя пойти к выходу, чтобы оторвать взгляд. В сарае остались Артём с Ларисой и двое туземцев из экипажа яхты.

На некоторое время мы столпились на площадке перед сараем, нас окружали пальмы и неизвестные мне деревья, справа размещалась кустарная полевая кухня с импровизированным очагом из камней. Верховодил на кухне Пятница. Он, не обращая на нас внимания, сосредоточенно чистил рыбу. За сараем лес стоял густой стеной, и туда не вело ни одной тропинки.

С дворика перед сараем брали начало две протоптанные дорожки, выбрать направление самостоятельно можно было только интуитивно, наугад – обе тропы скрывались в абсолютно одинаковой чаще. Однозначно можно было понять только то, что мы находились на возвышении.

Вся компания вслед за Вадимом отправилась вправо. Я затормозил в дверях. Хотелось действовать и примкнуть к своим товарищам, только бегать в нижнем белье по джунглям, да ещё и без понятной цели, было опрометчиво.

– Что значит практически безопасно? – старик безучастно наблюдал за нашими перемещениями.

– Кроме хозяев бояться почти некого. Разве что ноги переломаете.

– Каких таких хозяев? – Артём вышел на свет и тоже не торопился выбирать дорожку.

– Ну, так дослушать надо было, теперь будем ждать возвращения остальных, – Геннадий посмотрел на солнце. – Через час стемнеет. Пойдемте за вашими вещами.

– Наши вещи у вас? – подала голос Лариса.

– Где яхта?

– Очень много вопросов. Пойдемте, – старик направился по другой, противоположной тропинке.

Как я и предполагал, мы находились на возвышении. С небольшого холма мы очень быстро спустились к берегу. Дорога не заняла больше семи минут. На живописном маленьком пляжике в необъятной плетеной корзине были сложены наши вещи. Неизвестные собрали только сумки и рюкзаки, много одежды и предметов личной гигиены осталось на яхте.

Геннадий поручил нам нести корзину наверх и мы, изрядно пропотев, дотащили вещи до сарая. Дорога в горку с множеством вещей выжала все немногие силы, и мы рухнули у входа в хижину.

– Пойдемте искать ваших друзей, скоро стемнеет, и мы полночи на них потратим.

Мы максимально быстро растащили свои вещи из сумок. Я надел кроссовки на голую ногу. Шорты и футболка придали уверенности, ходить полуголым было некомфортно. Переодевшись, а скорее просто одевшись, мы запихнули остатки вещей обратно в сумки и бросились вслед нетерпеливо переминающемуся с ноги на ногу Геннадию.

Вторая тропинка тоже выводила с холма к воде, но дорога занимала больше времени. Сделав очередной поворот, тропа резко уходила вниз. Преодолевая путь вприпрыжку, мы услышали крики наших друзей. На мгновение остановившись, старик пробормотал «что за ерунда» и бросился вниз. Мы бежали следом.

Как и в прошлый раз, дорога выводила на пляж. Только теперь мы попали на длинную и широкую полосу песка. Пляж имел форму подковы, края уходили далеко в море. Ближе к воде стояла вторая часть нашей группы. Ребята шумели и отчаянно махали руками. Перед ними, пожалуй, в пятистах метрах от берега, бросил якорь приличных размеров сухогруз. На высоком борту красовались иероглифы, нанесенные белой краской.

На родине у меня сеть кондитерских, я не разбираюсь в водоизмещении и прочих характеристиках судов, но корабль был достаточно внушительных размеров. Видимый нам борт поднимался из воды метров на 30, сам сухогруз в длину был никак не меньше ста пятидесяти. Над палубой высилось несколько грузовых контейнеров и кранов. В закатном свете корабль на приколе красиво возвышался над небольшой лагуной.

– Давно они здесь?! – Геннадий был встревожен, он слегка запыхался после бега.

– Только якорь сбросили. Выкуси старик, – Вадим был в приподнятом настроении.

– Главное чтобы не пираты, – вставила Вероника.

– Пираты такие корабли захватывают, они на них не плавают, – важно пояснил Мишаня и обнял Вику.

Я не знал радоваться ли сухогрузу. Я пока ничего не успел понять из произошедшего. Мы загадочно попали на остров к сумасшедшему старику, я отчетливо помнил ночной ужас с полупрозрачной тварью на своей груди. Перед тем как нас вытащат отсюда моряки, нужно будет выспросить у Геннадия всё, что он знает.

– Нам нужно возвращаться. Срочно, – старик пытался приказывать, но его голос был просительным.

– Да хрен тебе, – отмахнулся Миша.

– Заставь, – добавил осмелевший Артём.

Старик глубоко вздохнул и, посмотрев на уходящее за горизонт солнце, понуро пробормотал:

– Ну, может и к лучшему.

Меня почему-то тревожила вся эта ситуация. Геннадий был явно не в себе, сумасшедший старик в компании бессловесного аборигена-повара. Но не мы приехали к нему, нас кто-то сюда доставил, выложил наши вещи, пропала яхта. Возможно на этом корабле пираты, которые захватили сухогруз, а до этого нас. Вполне логичная версия. На этом острове у них логово, хранилище добычи и тюрьма для заложников. Пиратов не стоило злить, идея вернуться обратно на холм не так уж и плоха.

Мои размышления прервали всеобщие возгласы. Все, кроме старика, почти перешли на крик, тыкали пальцами на сухогруз и требовали ответа, видят ли это остальные.

По красным бортам корабля как тараканы, муравьи или другие быстрые насекомые стремительно поднимались фигурки. Их было не меньше двадцати, и они ползли вверх под разными углами. Они именно ползли, я отчетливо видел, что в их распоряжении не было тросов или веревок. Фигурки, быстро передвигая руками и ногами, достигли борта и перепрыгнули на палубу.

Нам оставалось только подпрыгивать, в нетерпении узнать и увидеть, что происходит на корабле. В возбуждении мы столпились одной кучей и, не слушая друг друга, на перебой выкрикивали предположения и делились впечатлением от увиденного. Тем временем, поочередно в пылу обмена мнениями мы разворачивались от моря к суше и один за другим замирали. Я отреагировал, увидев оцепеневшего Вадима, проследив его взгляд и развернувшись к лесу мои ноги сами собой подогнулись. Мне пришлось схватиться за плечо Павлика, чтобы не упасть.

Перед нами стояло трое странных незнакомцев. Солнце зашло, и в опустившейся темноте было невозможно разглядеть пришедших. Это были высокие люди. Точно выше двух метров каждый. Широкие плечи, крупное туловище. Они были монументальны, значительно больше каждого из нас. В руках исполины держали длинные палки, каждая выше роста даже этих великанов.

Наш старик упал на колени и кланялся, утыкаясь головой в песок. Геннадий что-то лепетал, издавал несуразные звуки. Высокие люди стояли без движения. Мы забыли про корабль, нужно было переварить неожиданное пополнение в рядах странных местных людей.

Вадим, который уже проявил себя самым решительным в нашей компании, вышел вперед и, протянув руку для приветствия, приблизился к незнакомцам. Он не успел ничего сказать, как один из троицы крутанув палку в воздухе, наотмашь ударил парламентаря по голове. Звук получился глухим, но сочным. Скорее всего, палка была полая, тем не менее, удар был сокрушительным и Вадим упал в песок. Он не потерял сознания, ковырялся в песке пытаясь встать. Миша с Мариной бросились к раненому, а незнакомцы, выставив палки, вперед направились к нам.

Старик не меняя позы, увеличил громкость своих завываний. Незнакомцы приближались и Паша, а вслед за ним Артём с Ларисой бросились наутёк. Я почувствовал спиной, как ко мне прижалась испуганная Вероника.

Один из незнакомцев больно ткнул меня своей длиннющей палкой в районе правой ключицы. Интуитивно я догадался сесть на песок и принять почтительную позу взяв пример с Геннадия. Схватив Веронику за руку, я притянул её к земле. Решение было правильным, некоторое время нас никто не трогал.

Я не смотрел по сторонам, уткнувшись в песок. Судя по звукам, после нескольких ощутимых ударов в таком же положении оказались раненный Вадим с женой и Мишаня. Судьба беглецов была неизвестна, скорее всего, за ними отправили погоню.

Один из наших захватчиков громко сопя, подошел вплотную ко мне. Я не поднимал голову, но он встал совсем рядом и я мог, с поправкой на темноту, увидеть его ногу. Огромная ступня почти полностью погрузилась в песок, но я видел (четко видел!) перепонки между его пальцами. Нога была практически прямой. Без икр и косточек, будто столб амфитеатра. Ведомый удивлением и любопытством, я, забыв об осторожности, поднял голову.

Я успел увидеть, что в районе пояса незнакомец сильно расширился. Он был очень высокий, я не мог видеть выше, но он сам с резким сопением наклонился ко мне и, схватив огромной ручищей за горло, дёрнул вверх. Мои ноги болтались над землей, но шее не было больно – огромная ладонь была мягкой и широкой.

Незнакомец притянул меня к себе. Странное яйцевидное лицо было отвратительным, я попытался отшатнуться, но широкая ладонь фиксировала крепко. На меня злобно смотрели два розоватых глаза, из постоянно шевелящихся ноздрей со свистом вырывался воздух. Абсолютно лысая обтекаемая голова, рот в форме небольшого мягкого клюва – отвращение сменилось страхом – я болтался в руке какого-то животного.

Глава 2.

– Да уж, – Франсуа лениво копался в костре длинной палкой. – Может так лучше. Я сразу в бою их увидел. Хотя, что ж это за бой, скорее резня.

Франсуа Пинар был нашей легендой. Самый подготовленный и полезный член диверсионной группы, в прошлом солдат французского иностранного легиона. Франсуа проявил не дюжий организаторский талант, смог с лихвой применить свой боевой опыт в новой для людей обстановке и без устали учил, передавал знания другим. В Легионе он был обычным бойцом, здесь стал безоговорочным лидером и командиром.

– Всегда хотел спросить. Насколько я знаю, у вас в легионе иностранцы служат, а как ты туда попал?

– Всегда есть исключения, – туманно, без желания, ответил Пинар.

Может, он был преступником, возможно, использовал поддельные документы – не важно. Реальный боевой опыт и навыки не придумаешь, этот человек был нам полезен как никто другой. Я пробыл в Вавилоне больше трех лет. Успел поссориться со своими друзьями, даже Пашей и Мишей, работать с рептилиями и создать небольшую группу охотников за удачей. В общем, у меня тоже имелся авторитет в команде. Авторитет во многом не заслуженный, и я охотно делил право руководства с настоящим военным.

– Расскажи ещё раз, как ты ловил чаек, – попросил Ян.

Младший Макгроу любил истории Франсуа, а на приключения жизнь француза была, несомненно, богата. Чего только стоит его путь сюда – он плыл на плоту три месяца. Без еды и воды, направления и надежды.

– Там большого ума не надо, главное скорость и силу рук сохранить. Я подманивал их рыбой, ждал, не двигаясь, и хватал севших на бортик птиц. Свернуть шею чайке не сложно.

Чайки, рыбешка и две акулы – весь рацион Франсуа за три месяца. У него было три армейских сухпайка в начале пути, их он растянул на три недели. Главной проблемой предсказуемо стало полное отсутствие пресной воды. Кровь и жидкости, включая желудки и кишки рыбешек и редких чаек, спасали ненадолго. Мы нашли его обессиленным, с потрескавшейся кожей и жутко распухшим языком. Лицо ссохлось и потрескалось, выпученные бесцветные глаза смотрели безжизненно. Со временем оказалось, что Пинар вполне симпатичный парень, но поначалу я шарахался от него как от рептилий.

– Сейчас бы я не допустил такой ситуации, – мечтательно проговорил Пинар. – С настоящим оружием мы могли задать им трепку ещё там, в порту.

Конечно, об этом думали многие. За три года войны, катастрофы, постигшей землю, большинство выживших научились эффективно сопротивляться. Разумеется, это не распространялось на женщин и детей, а также некоторых мужчин, кто проживал в глубине суши и занимался мирными профессиями.

Подразделение Франсуа Пинара атаквали до этого неизвестные миру, скрывающиеся от людей на протяжении всей истории человечества, черепахи. Или рептилии, как мы их иногда называли с претензией на научность терминологии. Неизвестно какие именно черепахи напали на порт и загружающихся в корабли военных. Скорее всего, это были высшие рептилии, те самые, что заперли нас в Вавилоне и породили других, более свирепых и неуправляемых йеклей.

Практически все из нас оказались на острове до катастрофы. Такие как Пинар, новенькие, составляли не больше двадцати процентов, а в последние месяцы их приток совсем прекратился. Наша задача как раз находить потерпевших крушение, выживших. Для этого мы курсируем вдоль берега и целыми днями не отлипаем от биноклей. В свое время такое круглосуточное дежурство спасло жизнь Франсуа.

Пинар служил в Африке. Его подразделение планово перебрасывали в другой регион, и ничего не предвещало беды. Когда началась атака, солдаты грузились на корабли, большинство было без экипировки и оружия. Начавшаяся в ночной тишине резня изредка прерыва-

лась автоматными очередями и отчаянными криками людей, бросавшимися врукопашную на новых, незнакомых врагов.

– Я лично разрядил всю обойму в рептилию. Эта сволочь стояла спиной и даже не поинтересовалась, кто же там сзади такой смелый.

Франсуа спасался на небольшом корвете с несколькими товарищами. Они отплывали от берега и с ужасом наблюдали за затухавшей битвой в порту. Вопли разносились на большое расстояние, крики обжигали спасавшихся, корили их за трусость и малодушие. Только вот в воде таилась ещё большая опасность.

Они не успели отплыть далеко, рептилии нагнали беглецов и скидывали солдат с корабля в открытое море. Черепахи издевались над тонущими людьми, играли их телами. Пинар, вцепившийся в сложенный надувной плот, медленно отплывал от места бойни. Он видел подлетающих над водой товарищей и, стиснув зубы, заставлял себя молчать – Франсуа не мог никому помочь. Большая удача избежать участи остальных – Пинар на некоторое время оцепенел от страха и беспомощности, это спасло ему жизнь.

– В группе Диккенса есть парнишка, китаец. Их под конвоем перевозили из Гонконга, – пустился в воспоминания Ян, – Весь транспорт затопили. Он плыл на военном катере береговой охраны или типа того, не знаю точно. Главное на корабле были пулеметы стационарные, вот их калибр позволял разрывать панцири. Парень лично видел не меньше шести убитых черепах.

– Наверняка. Не могут же они быть непробиваемыми, – согласился Франсуа. – Только на этом чертовом острове нет такого огнестрельного оружия.

Мы убивали рептилий. Многие охотники использовали части панциря как щит. Мы ничего не знали о прочности этих пластин. У нас не было инструментов для распиливания, а тем более анализа состава, мы даже не смогли отделить чешуйки панциря – всё имеющееся на острове оружие не могло причинить им вреда. В условиях войны всех против всех люди охотно использовали добытые в боях трофеи, и панцири высоко ценились при обмене.

– Нам нужны медузы, я смогу обследовать территорию на много миль вокруг, доплыть до затопленных кораблей, – я в очередной раз затянул всем надоевшую историю.

– Тебя схватят по дороге, и ты не сможешь дотащить оружие сюда, – также банально ответил Пинар.

– Попробовать надо. Три года уже здесь сидим, – из Яна бил энтузиазм. – Рано или поздно сюда придут существенные силы и нас сметут с этого острова как перекасти-поле.

Ян был прав. Мы боялись массовой атаки и не могли противостоять большим силам противника. Людей не хватало, даже имеющиеся наличные силы были разрозненны и преследовали сиюминутные шкурные интересы. Я объединял своих людей идеей перебраться на материк.

– Я обещал, я в теме, – твердо подтвердил договоренности Пинар. – Но Семён сам изменил планы. Теперь мы ищем его женщину.

– Она не моя, – буркнул я.

– Ты говорил, но уперся рогом, как будто она твоя, – включился в разговор Кшиштоф.

– Я должен, иначе я не смогу себя простить.

– Да, знаю-знаю, – отмахнулся поляк.

Кшиштоф прибыл на остров одним из последних. Большой транспортник неведомо как добрался до нас два года назад. Поляк выделялся из всех прибывших и местных жителей своей колоссальной физической силой. Думаю, не встречал людей, способных похвастаться подобными природными данными. Мы называли его медведем, и, пожалуй, он единственный мог на равных противостоять рептилиям. Конечно, не всем, а только йеклям. С поляком мы могли изредка разговаривать по-русски, я скучал по родному языку, а мои русские товарищи были в далеком прошлом.

– Смотри, что у нас получается – Франсуа разглядывал самодельную карту Вавилона, такие были в каждой группе охотников – Вот здесь на Западе три поселка. Один из них ваш. Как вы его назвали? Волга? Глупое использовать всемирно известную реку в названии, но ладно. Здесь она проживала с остатками твоей группы. В нескольких километрах по обе стороны еще два небольших селения. В одном всего тридцать человек, они добывают соль и ни к кому не примыкают. Во втором народу больше, такие же бездельники, как и в вашей Волге. Оба поселка мы проверили, врать им не зачем.

– На Юг она пойти не могла, – подключился Кшиштоф. – Она же языками не владеет, правильно? А там одни азиаты. Мне кстати у них понравилось.

– Да, хорошая идея у них там агломерации. Пятнадцать поселков, но все по сути один большой город. Только сельскохозяйственный. Никуда не лезут, культивируют свои промыслы. Если у нас тут не заладится, к ним подамся, авось примут.

– Нафига ты им нужен, лягушатник, – привычно подколол Франсуа поляк.

– Я, между прочим, лягушек ни разу не пробовал, – Пинар и не думал обижаться. – Итак, на Юг мы не идем. Это наше первое допущение. На Востоке у нас что? В основном англосаксы, – сам себе ответил француз. – Туда она в одиночку не дойдет. Будем надеяться, и не попытается.

Путь на восточную часть острова проходил через пустыню, которая разрезала наш Вавилон широченной полосой с севера на юг. Встречающиеся в изобилии оазисы и скалистые группы позволяли путникам находить воду и укрываться от непогоды, но кишели мародерами и разбойничаящими шайками. Опасное место даже для опытных мужчин и совсем неподходящее для одинокой женщины.

– Я там ни разу не был. Семён говорил у них серьезные достижения.

– Это было год назад, сейчас не знаю. Но да, они подошли к вопросу выживания фундаментально, напоминает фильмы про Дикий Запад. Домики, шерифы и прочее буйство Голливуда наяву.

– Дикий Восток, получается, – довольно хихикнул Кшиштоф.

– Не отвлекаемся, – прервал, зарождавшиеся было шутки Пинар. – Остается Север. Сюда она могла бы пойти. Множество мелких поселений, но везде уж очень лихие люди. Без зачатков самоуправления. Боязно за девушку, сами знаете местные нравы.

Мы знали. Почти во всем Вавилоне действовало право сильного, но в обжитых областях, особенно Юге и Востоке люди старались сохранять подобие правовых систем своих стран.

– Нечего гадать, она пойдет на Мыс, – я талдычил это уже неделю. – Пол острова знает нашу цель. Логично искать меня там.

– Это при условии, что она ищет тебя, – поправил Франсуа.

– Ну а кого как не нашего героя, – хохотнул Кшиштоф.

– Ладно, будем считать хорошим знаком, что мы изначально шли к Мысу, – француз сложил карту и заботливо убрал её в полиэтиленовый пакет. – Значит у нас впереди Кратер, а потом Мыс в трёхдневном переходе.

– Значит, находим женщину, потом плывем на остров амфибий, Семён с ними шушукается, и они помогают нам свалить отсюда? Если получится, я вас всех расцелую взасос! – Кшиштоф сложил губы уточкой.

– У нас цель, – Оуэн появился со стороны пляжа и говорил тихо. – Один. Думаю йекль.

В принципе наших сил могло хватить и на полноценную рептилию, но йекль попроще. Они более агрессивны и мобильны, но сопоставимы с нами по размеру и не так сильны. Мы используем одно и то же скудное оружие вне зависимости от противника, если черепях несколько, то лучше отступить.

Через двадцать секунд команда была готова следовать за Оуэном. Костёр привычно закрыли легким алюминиевым тазом, запертый без кислорода огонь практически мгновенно затух. Разобрали оружие и в тишине вышли на охоту.

Черепahi выходят на берег в самых неожиданных местах, их цели нам до сих пор не ясны. Иногда они прибывают группой, чаще поодиночке. Мы стараемся убить их сразу, возле воды. Некоторые пытались проследить за передвижением рептилий, понять, что они ищут, куда направляются, но долго преследовать черепаху не получается, тебя быстро обнаружат.

Этот экземпляр был йеклем. Некрупная рептилия, подвижные лапы. Йекль осматривался, он недавно вышел из воды и приводил в порядок, настраивал дыхательные пути – лучшее время для атаки. Многие энтузиасты-дипломаты пытались вести переговоры, гордо шли с белыми тряпками и без оружия навстречу с черепахой. К сожалению, то, что возможно с высшей амфибией, не проходит с йеклем. Эти ребята сразу бросаются в бой, они заточены на убийство и похоже не испытывают страха.

Кшиштоф и шотландцы синхронно заходили с разных сторон, у всех были самодельные сети из веревок и проволоки. Наша с Франсуа задача, как и всегда, отвлечь внимание твари на себя. У нас длинные копы и тесаки, у Пинара метательные ножи и мы начинаем первыми.

Загонщики, как нас называли в команде, смело могут материться или читать возвышенные стихи, главное быть громким и отвлечь жертву от флангов. Когда йекль сосредоточился на нас, француз начал метать ножи. Они не приносили черепахе особого вреда, но отвлекали и раздражали рептилию. Когда она, видя только нас, приблизилась, началось самое сложное – сдерживать черепаху копыями.

Я научился вполне сносно владеть холодным оружием, включая копы и багры, хотя наибольших успехов достиг в стрельбе из лука. Ни разу не пробовал стрелять дома, в те, мирные времена, хотя множество стрелковых клубов зазывали рекламой и приемлемыми ценами. Здесь пришлось учиться быстро и совершенствоваться в реальной обстановке боя. К счастью я мог почти не целиться, стрелы кучно ложились в цель интуитивно, без долгой подготовки – «на глазок».

– Эй, тварь, – продолжал орать Пинар, размахивая пикой.

Йекль шел на нас как у них принято – без оружия. Одного, даже такого умелого бойца как Франсуа черепаха одолеет. Они верткие с очень сильными руками. Один раз я видел особо хитрую рептилию, она не уворачивалась, а бросалась на выставленную пику панцирем, древко после очередного удара треснуло, и загонщик был на грани неминуемой смерти. Поэтому мы всегда действуем в паре – моё копы мешало йеклю двигаться ровно и эффективно уворачиваться от ударов Пинара.

Тем не менее, животное успело схватить лапой моё оружие, я не мог вырвать копы обратно и отчаянно размахивал зажатым обеими руками древком, пытаюсь вывести черепаху из равновесия. У Франсуа никак не получался сильный удар, он только сдерживал страшную тварь на расстоянии в полтора метра – вся фора, что нам давали пики. Кшиштоф первый накинул сеть, йекль пропустил его появление и дернулся, но с другой стороны его уже накрыли сети Макгроу, теперь черепаха не могла двигать руками.

Обычная рептилия прячется в панцирь и пытается скрыться скачками. Черепаха выжидает момент и резко выбрасывает лапы из укрытия, делает бросок и замирает вновь. Иногда такая тактика имеет успех, особенно если у охотников нет багров. Йекли более свирепы и не идут на попятную, вот и эта тварь сопротивлялась до последнего. Три года назад копы было для меня дикостью, непонятным оружием. Теперь я мог выбрасывать его резко, почти без замаха. Несколько сильных ударов и амфибия становится очередным трофеем нашей группы. Мы самые эффективные охотники острова.

– Опять я? – младший Макгроу назначен дежурным по разделке рептилии.

– Можешь взять брата, – Кшиштоф даже не вспотел при охоте, но помогать не собирался.

– Я помогу тебе Ян.

Мне не нравилась эта часть работы. Мы не едим мясо черепах, не разделяем их тщательно, наша задача добыть драгоценный панцирь, но это чертовски трудно без пил и болгарки. Переднюю и заднюю части панциря нужно разъединить, иначе добыча будет долго сохнуть и подгнивать. Лучше начать эту работу сейчас, пока в свои права не вступило тропическое солнце. По общему правилу, выработанному месяцами охоты, во время освеживания остальные члены команды дежурят по периметру. Бывали случаи высадки нескольких рептилий сразу и группы оказывались застигнутыми врасплох. Наше преимущество во внезапности и командной работе, неожиданная атака черепах может разбить охотников на отдельных людей, дни, а точнее минуты, которых сочтены.

– Речь о той женщине, из твоей группы? – Ян решил поболтать между делом.

– Ну, – у меня не было желания обсуждать затеянную поисковую операцию.

– Она красивая, я бы тоже ради неё пошёл, – напарник быстро посмотрел на меня с опаской, но я не считал это поводом для ревности.

– Дело не в красоте. Я должен. Она ушла из поселка одна, – какой же глупый безответственный поступок! – в том числе из-за меня. Мне кажется, только здесь я понял, что значит быть мужчиной и отвечать за других.

– Думаю, я тебя понял.

Я сам особо себя не понимал, но трогательная поддержка Яна была приятна. Вся группа без конца подтрунивала надо мной, однако, никто не оспаривал моё решение. Поисковая операция почти наверняка была безнадежна и с такой же вероятностью опасна. Кроме того, вынужденная отсрочка меняла наши планы. Мы хотели доплыть до острова высших рептилий, попытаться вступить в диалог. Этот загадочный атолл, прекрасно видимый с Мыса, пугал и манил одновременно. Последний оплот высших рептилий, они могли стать спасением или смертью. Месяц назад мы решили это проверить, я надеялся заполучить шнорхелей для глубоководного и дальнего плавания. Даже в случае фиаско, мы могли узнать много нового об окружающем мире.

– А в самолеты ты не веришь? – Ян пытался над своей частью панциря, её нужно было отполировать песком, полностью очистить.

– Некий аэродром в пустыне? Черт его знает, мне кажется это сказки.

Весь остров, наш Вавилон, упивался выдумками и страшными историями. Больные фантазии передавались из уст в уста и обрастали невероятными, порой мистическими, подробностями. Замаскированный аэропорт в центре острова был сродни рассказам о черепахах-мутантах, подстерегавших путников в редких оазисах и объедавших людей до косточек.

– Пора выдвигаться, – я ещё раз протер песком нашу добычу. – К вечеру дойдем до Кратера.

С недавних пор я полюбил длинные пешие переходы. В дороге можно подумать. Поиски девушки вернули меня назад, в то время когда я только оказался в этом мире и был окружен знакомыми с детства друзьями и их приятелями.

Глава 3

Три года назад.

На удивление получилось поспать. Вечером мы добрались до хижины в сопровождении притихшего Геннадия. Беглецов так и не нашли. Старик долго кланялся перед незнакомцами, издавал гортанные с подсвистыванием звуки, наконец, эти чудовища ушли, и мы в полной тишине начали взбираться в горку.

Парни поддерживали своих женщин, я плелся последним. Разум пытался подсказывать какие-то объяснения увиденного. Возможно, мы застряли в плену местных дикарей, носящих

маски. Такую гипотезу я счел логичной. Наше положение представлялось опасным и запутанным, но допускать сверхъестественное совсем не хотелось. Старик всю дорогу чертыхался и отказывался отвечать на вопросы.

К нашему приходу Пятница уже сварил уху. Геннадий очень гордился супом. «Свежая уха для русского человека как мёд», приговаривал старик, шумно отхлебывая из кокосовой миски. Откуда такая поговорка? Скорее всего, сошел с ума и сам придумал. У нас аппетита не было.

– Что с нашими товарищами Гена?

– А я знаю? – старик повернулся к Мише. – Не убьют, кушай.

Мы сидели на больших листьях, заботливо разостланных Пятницей перед входом в хижину. Костер на его кухне давал немного света. Вадим временами постанывал, у него серьезно распухла щека, и Марина перерыла все сумки в поисках обезболивающего.

– На, – старик протянул раненому какой-то листик. – Прожуй и кашицей компрессик сделай. Остатки потом выброси.

На этом наши посиделки закончились. «Время», – многозначительно объявил Геннадий и затолкал всех в хижину. Сам он улегся на койке рядом с входом, Пятница ночевал в дальнем углу.

***

– Странно, – меня разбудил приятный щебечущий голос Вероники. – Вся опухоль сошла. Как на собаке всё заживает.

Они с Мариной разглядывали щеку Вадима. Он был по-прежнему пришибленным, но лицо выглядело вполне терпимо, только лёгкая ссадина напоминала о вчерашней потасовке.

Я лежал на жесткой кушетке, тело затекло, но вставать было лень. После вчерашних событий на меня напала апатия, не хотелось двигаться, думать, решать.

– Выходи, нужна помощь, – Миша заглянул в открытую дверь. Судя по нему, он уже давно был на ногах.

Я нехотя уселся на койке. В помещении, кроме меня, были только Потаповы и Вероника. Члены экипажа с нашей злополучной яхты куда-то пропали. Я потянулся, размял тело и вышел на улицу.

Солнце стояло высоко и нещадно лупцевало жаркими лучами. Миша ждал меня у входа.

– Пойдем, старик завалил какого-то кабана. Нужно подтянуть его сюда.

Мы притащили тушу животного, напоминавшего дикую свинью. Прикасаться к лохмоту зверю было противно, но Геннадий с Мишей поторапливали. Руки дрожали от тяжелой ноши, подниматься в горку с убитым крупным животным оказалось несладко.

– Фуф, – старик вытер пот тыльной стороной ладони, когда мы, наконец, дотащили животное до импровизированной кухни. – Вернется Пятница и освежает. Сегодня попируем мясом.

Я умылся теплой водой из покореженной пластмассовой бочки. Емкость синего цвета, очевидно, была трофеем с очередного судна, которое захватили местные дикари. Рифлёные бока бочки были изрядно помяты, в нескольких местах стояли заплатки.

Было время рассмотреть местную кухню. Этот уголок единственный символизировал зачатки цивилизованности. Сложенный из крупных полукруглых камней камин-очаг порядочно закоптился, рядом в высокой плетеной вазе стояли железные прутья разных размеров. Скорее всего, Пятница со стариком использовали их как шампуры. Ближе к деревьям, под невысокой пальмой громоздились разнокалиберные разделочные доски. Наточенные вычищенные до блеска ножи и тесаки местный повар аккуратно разложил на соломе.

– Там у нас яма, – старику был приятен мой интерес к их нехитрому быту. – Мы храним фрукты и овощи под землей. Я эту яму по принципу погреба рыл.

– А где Пятница? – хотелось перекусить.

– Ищет ваших балбесов, – Геннадий неопределенно махнул рукой в сторону правой тропинки.

– Дикари их не найдут?

– Дикари? – старик испуганно оглянулся. – Не говори так мальчик. С острова беглецы никуда не денутся, а вот страху по ночи наберутся с лихвой.

Остатки нашей группы вылезли из хижин. Девушки умывались, а Вадим с Мишей в сторонке курили найденные в сумках сигареты.

– Хороший повод бросить, – сообщил Миша, поймав мой взгляд и показав открытую пачку, в которой оставалось несколько сигарет.

Сам я никогда не курил и гордился объемом легких. Ещё в детстве мы соревновались на максимальное время погружение, в те времена продержаться под водой дольше всех считалось очень почетным.

– Когда будут разъяснения Гена? – хрипло поинтересовался Вадим.

– Вот ваши друзья вернутся, и поговорим, – парировал старик.

Я бесцельно бродил по площадке перед хижинкой. Рассматривать тут было нечего. Кроме кухни никаких построек и интересных вещей. В самом бамбуковом сарае было аскетично и пусто. Только деревянные лавки, даже без тумбочек.

Солнце припекало. Наши вещи мы перетащили на одну из коек, и я достал из рюкзака свою модную панамку с надписью «Россия вперед».

– Россия? – старик с интересом разглядывал надпись.

– А что не так? – я знал, что панамка привлекает внимание, особенно за границей, но вопрос Геннадия был неожиданным.

– А что сейчас республики отдельно символику выпускают?

Через мгновение ступора я сообразил, о чем он говорит. Если он находился здесь последние сорок лет, то получается, он был родом из СССР. Точнее, мы все были родом из большой социалистической страны, но Геннадий пропустил распад государства на отдельные республики.

Старик старательно в мельчайших деталях расспрашивал о современных государственных границах. Его настолько взволновала эта тема, что он не обратил внимания на понурых беглецов, которых привел молчаливый Пятница.

А между тем вторая часть нашей группы представляла грустное зрелище. Три уставших, не выспавшихся человека с красными глазами и иссеченными кустами голыми ногами. Они по-прежнему были в одном нижнем белье, которое за время их злоключений испачкалось и висело лохмотьями.

Марина с Вероникой увели нашедшуюся троицу в хижину переодеться и приходить в себя. А Пятница, как ни в чем не бывало, заступил на кухонное дежурство. Наш повар рассыпал на земле целую гору фруктов и, ловко работая тесаком, начал шинковать будущий завтрак.

После легкого перекуса знакомым со вчерашнего дня набором фруктов мы были готовы к беседе. Пятница утащил тушу кабана в свой угол и, вооружившись разнокалиберными ножами, принялся за освежение.

Весь наш коллектив объединяла подавленность. Вадим сменил свою вчерашнюю решимость и нахрапистость на злобную отрешенность. Он практически ничего не говорил, только поглядывал на окружающих злыми глазами. Руки Марины, пытавшуюся приобнять супруга, он демонстративно раз за разом отталкивал. Возможно, ему было обидно вспоминать вчерашнее фиаско, сокрушительный удар от огромного дикаря.

Троица беглецов успела привести себя в порядок и одеться, но они по-прежнему выглядели затравленными и большей частью смотрели в пол потухшими глазами.

– Мы обшарили большую территорию, – поведал мне Пашка. – Тут очень странный остров, он не единый. Как бусинки. Суша перетекает в другой маленький остров. Но туда мы не сунулись, там маячили эти, – Паша осекся, подбирая правильные слова, – ну ты понял.

– Понял. Я думаю это дикари в масках.

– Уж очень здоровые. Мне страшно, Сёма. Надо что-то делать.

Легко сказать. У меня не было никаких идей. Ни абсурдных, ни глупых и отчаянных, никаких. Общая растерянность подавила наш коллектив, никто не хотел и не мог взять инициативу в свои руки. Оставалось ждать развития ситуации.

– Теперь поговорим, друзья, – старик воспользовался общим сбором перед хижинкой.

Никто не оспаривал главенство Геннадия. После вчерашних приключений, мы не хотели покидать это место без дополнительных инструкций.

– Как я вчера уже говорил, вы в плену, – старик готовился к речи и наслаждался моментом. – Надо смириться с этой мыслью. Вы не стали меня слушать, разбежались. Теперь давайте жить дружно и предусмотрительно.

Итак, мы находились в плену на затерянном острове в Океании. Наше местоположение было никому не известно, и вещи тщательно обыскали в поиске средств связи с внешним миром. Остров располагался вдали от торговых и иных путей. Над этим местом не летали самолеты, а снимки из космоса не представляли интереса – слишком маленькая незаселенная территория.

Вчерашний сухогруз был случайным недоразумением. Обычно корабли заплывают сюда не чаще одного раза в пару лет. Все они ликвидируются, экипаж неизменно следует нашей судьбе, а груз исследуется на берегу в поисках полезных вещей. Сами корабли затапливают поблизости.

Геннадий жил здесь порядка сорока лет. Он безвылазно сидел только на этом острове. Не сойти с ума ему помогали такие группы как наша.

– Я давно потерял счет времени и не уверен в правильности расчетов, – жаловался нам Гена. – Здесь нет как таковой зимы, тяжело делать временные отсечки. День, как правило, похож на предыдущий, следующий тоже будет таким же. Заботы у меня не хитрые. Поддерживаю в порядке эту часть острова вместе с прикрепленным аборигеном. Этого мне привезли лет десять назад. Предыдущий помощник умер.

Если количество проведенных на острове лет старик не помнил, то «группы» таких же, как мы, запомнил наверняка. Через него прошло тридцать девять групп, мы были сороковой. Юбилейной.

– Я уже старый, сам чувствую, – откровенничал старик. – Только на днях по Родине ностальгировал и тут такой подарок. Первая русскоязычная группа за сорок лет. До этого были со знанием языка, но залетные. Один-два на всю группу. Для вас, конечно, происходящее кажется кошмаром, но доля везения есть даже в том, что вас ко мне определили. На другом конце острова еще два поселения. Там наставники другие. Один азиат, другой то ли француз, то ли голландец. Как бы вы с ними общались?

– По-английски, – гордо вставила Лариса.

– Лорик! – шикнул на неё Артём и, обратившись к старику, попросил – Продолжайте, пожалуйста.

– Может и по-английски, я вот языками не владею, – задумчиво проговорил Геннадий. – Из русских есть только Петрушка, но он идейный мерзавец. Моя задача простая – кормить, поить и не дать умереть. Всякие люди бывают. Кто-то и руки на себя накладывает. Раньше было хуже, значительно хуже. В те времена они тело наше изучали. Человека. Потрошили наживую. У них какой-то другой обмен веществ или типа того, короче говоря, они боли почти не

чувствуют. Поэтому и с нашим братом за анестезию не заморачиваются. И очень удивляются, когда люди орать от боли начинают.

– Кто, кто они!? – не выдержал Миша, остальные присоединились к требованию раскрыть карты.

– Вы же их вчера видели, – как будто удивился старик. – Амфибии.

– Амфибии? – озвучила общее удивление Вероника.

– Я в детстве фильм такой смотрел. В кинотеатре, – зачем-то добавил Геннадий.

– Они плавают? Или что? Почему амфибии? – общий хор наших разгоряченных голосов закидывал рассказчика вопросами.

– Ну да, плавают, – старик хитро ухмыльнулся. – Очень даже.

Эти существа, со слов Геннадия, не были людьми. Основное время они проводили в море, но могли передвигаться по суше. Хотя на земле не чувствовали себя комфортно, были медлительными. Амфибии были истинными хозяевами этого острова, и именно их боялся старик.

На острове был заведен строго соблюдавшийся график. Отбой не позже десяти, подъем с рассветом. По своей части острова можно было свободно перемещаться, это не возбранялось. Но другие части оставались под запретом. Амфибии редко патрулировали этот остров, обычно следили только за новичками, но иногда по неизвестным причинам неожиданно могли нагрянуть с инспекцией.

Вчерашняя неприятная встреча была связана с кораблем. Муравьи или тараканы, которые быстро взбирались по бортам, были амфибиями. Они атаковали все суда, проходящие в опасной близости от острова. Напавшая на нас тройка приглядывала за берегом во время захвата. Мы оказались на пляже в неподходящее время. Будь мы подготовленнее, и заранее преклонили перед хозяевами колени, всё могло обойтись достаточно мирно.

– Бред, какой же бред, – Лариса вскочила на ноги и обводила присутствующих взглядом. – Вы собираетесь слушать эту ерунду?

– А какие у нас еще варианты? – подал голос Миша.

– Вот Сёма, например, – Паша показал на меня. – Двинул теорию, что здесь рулят дикари. А наш русскоязычный друг Гена то ли сумасшедший, то ли обязан им чем-то.

– И вешает нам тут лапшу, – Лариса на полном серьезе попыталась пнуть старика, но он успел увернуться.

– И что ты предлагаешь делать, Семён? – проворковала Вероника.

Всё внимание неожиданно переключилось на меня. Даже Геннадий смотрел на меня выжидающе. Я не был готов к такому повороту событий, глупо мотал головой и энергично моргал. Было как-то неудобно перед Геннадием – одно дело называть сумасшедшим за глаза, совсем другое в лицо. Я пытался найти объяснение вчерашним событиям, но эта была только гипотеза. Разумеется, дальше предположения о дикарях я ничего не придумал.

– Подождите друзья, – наконец выдал я. – Думаю, Геннадий понимает абсурдность его рассказа и у него есть дополнительные доказательства своей правоты.

Не уверен, что был достаточно рассудителен, но смог перевести внимание обратно на старика. Нас было много, восемь человек, мы были знакомы, можно сказать сплоченная команда, и это придавало уверенности в себе. Будь каждый из нас поодиночке, мы бы наверняка совсем раскисли, но срабатывала психология толпы. Боевой настрой стремительно возрождался, коллектив будоражили рассказанные Геннадием несуразности.

– Доказательства, – усмехнулся старик. – Ребята, вы разве сами не видите? Лично я вас не держу, делайте, что хотите. Но потом не жалуйтесь.

– Хорошо, – Миша решил взять всё в свои руки. – Давайте по порядку. Как мы сюда попали?

Удивительно своевременный и правильный вопрос. Кто и как перетащил нас на этот затерянный островок? Восемь туристов с двумя членами экипажа, ночью, с яхты в открытом море –

незаурядная задачка, которую сложно объяснить хитрыми и страшными дикарями. Меня пере-дернуло – память услужливо подкинула образ отвратительной медузы, впивающейся в грудь маленькими гадкими коготками.

– Как правило, они подкидывают мокриц. Я не ученый, не знаю, как называются эти морские гады. Они впиваются в человека и вводят какой-то раствор. Пациент засыпает беспокойным сном и его можно упаковывать. Затем каждого вручную переправляют на этот остров.

– Кто подкидывает мокриц?

Насколько не логично мы действовали всё это время! Я даже не поделился своими воспоминаниями об этих мокрицах. Помнят ли остальные события той ночи?

– Амфибии, – решила проявить сообразительно Вероника, но Миша резко осадил её порыв.

Миша решил говорить за всех, чему я был рад. Даже восемь человек, не действуя согласованно, создают базар и хаос вместо единой команды. Формально мы все равны, даже в России мы не работали в одних компаниях, и у нас не было выработанной субординации. Миша был неформальным лидером, и я готов был отдать ему майку лидера официального.

– Да, амфибии, – сказал старик. – Я их так называю. Они подбирают таких туристов как вы. Иногда привозят команды военных судов или рыболовных.

– По какому принципу идет отбор?

– Мне не известно. Я предполагаю, что атакуют суда рядом с островом, но это только догадки.

– Хорошо, допустим. Куда потом деваются люди? Где эти сотни групп до нас?

– Не сотни, а тридцать девять, – мягко поправил Геннадий. – Группы проводят здесь разное время. Иногда неделю, редко сильно больше. Одни французы у меня месяц просидели. Я даже по-ихнему лопотать начал, – старик заулыбался, видимо вспоминал свои достижения во французском.

– Не ихнему, а их, – фыркнула Лариса.

Миша злобно зыркнул на поборницу русского языка. Артём легонько ткнул супругу в бок.

– Забирают, как правило, всех сразу. Очень редко по частям.

– Куда забирают? – Миша помахал рукой в знак успокоения, так как все очень напрялись от перспективы быть перемещенными ещё куда-то.

– Одни догадки, – медленно протянул Геннадий. – Есть другие острова.

Мы ждали продолжения, но старик молчал. Он неловко ковырял тростинкой землю и не смотрел на нас. В коллективе начались брожения. Марина о чем-то яростно увещевала Вадима, он, похоже, опять был готов проявить характер. Во второй семейной паре ситуация была противоположной – Артём пытался успокоить Ларису, которая порывалась встать.

– Сколько их? – своим вопросом Пашка разрядил обстановку.

– Кого? – удивленно вскинул голову Геннадий.

– Амфибий этих. Займем оборону. Вон ножи есть, – Паша кивнул на ничего не подозревающего Пятницу. – Обследуем остров. Если они тут грузы с кораблей выгружают, то должны быть хранилища. Найдем много полезного, возможно оружие. Сейчас сколько времени? – Паша ни к кому конкретно не обращался и посмотрел на небо. – Думаю, еще нет и полудня. К темноте облазим тут всё. Ночью было страшно, но при свете дня меня сложнее напугать.

Воинственная, и, в общем-то, логичная, речь моего друга зарядила всю группу. Любая деятельность и активность лучше пассивного ожидания милости от кого-то ещё. Миша хлопнул себя по бедрам и вскочил на ноги. Оперативно было решено идти по правой тропинке, так как левая выводила на маленький бесперспективный пляж. Вадим достаточно нахально взял три больших тесака, разложенных у кухонки, не обращая внимания на слабый протест бессловесного Пятницы.

– Ребята, ну опять вы за своё, – Геннадий сокрушенно мотал головой. – Ну, поигрались вчера и хватит. Зачем опять-то.

– Мы же русские, старик, – Вадим, воинственно размахивая тесаком, двинулся в джунгли.

Я молча наблюдал за уходящими разведчиками. Миша с Пашей высокие крепкие парни, но насколько я знаю, их связь со спортом заканчивалась на фитнесе. Артём был худым, даже субтильным. Только Вадим фигурой напоминал спортсмена – широкая шея, мускулистые руки. Он был не высоким, но коренастым. Догоняющие парней Вероника и Лариса были девчонками, их я даже не брал в расчет.

Уверен, что никто из нашей компании не служил в армии, и получалась совсем не оптимистичная картинка. Конечно, мы не инвалиды, всем в молодости приходилось драться, но организовать серьезное сопротивление огромным дикарям с палками казалось несколько утопично. Если знать, что воинственных туземцев только трое, то шансы были, но вчера мы видели минимум двадцать таких же дикарей, заползающих на палубу сухогруза.

– Так сколько их? – мягко спросила старика Марина.

– Не знаю, – ответил Геннадий. – Много. Очень много. Они тут хозяева. А может и не только тут.

– А что за опыты вы упоминали? – мне хотелось проявить себя перед Мариной.

– Это было давно, меня только привезли. – Тут, на этом острове у них лаборатория была. Ужасное зрелище. Сначала они сами работали, а потом у них помощники появились.

– Вы говорили о каком-то человеке, русском. Я забыла.

– Петрушка, да. Пётр Алексеевич, фамилию не знаю. Он наш, советский. Работает на них, курва.

Всё очень усложнялось. На острове или где-то рядом были другие люди. Загадочные амфибии либо плод воображения сумасшедшего старика, либо дикари задурили несчастному голову. В любом случае, информация об опытах подспудно напрягала и пугала. Я совсем не желал стать подопытным кроликом. Нужно было поговорить с другими людьми. На любом языке, главное проверить адекватность нашего Геннадия.

– А можно увидеться с Петром Алексеевичем? – Марина читала мои мысли.

– Нет, он не здесь. Давно не здесь. Но пыточные их остались. Могу проводить.

Я посмотрел на Марину, она была готова. Широко открытые глаза выражали спокойную уверенность и решимость. Она встала, не желала откладывать экскурсию. Я невольно залюбовался этой женщиной. Лёгкие льняные штаны и просторная майка, кудрявые волосы, стянутые в тугую пучок – она была удивительным сплавом молодости и зрелости, порочной сексуальности и изящности.

Сопровождать Геннадия, попытаться выудить больше полезной информации показалось мне более перспективным, чем шатание по острову. В конце концов, шесть человек, уже ушедших на разведку, вполне справятся и без нас. Мне хотелось пойти с Мариной. И Геннадием.

Старик дал короткие распоряжения Пятнице и быстрым шагом направился к левой тропинке. Мы еле поспевали за ним, он не смотрел под ноги и уверенно шлепал босыми ступнями.

– А наши не потеряются? – ребята пошли в другую сторону.

– Нет, – коротко ответил проводник.

Мы быстро спустились на пляж, с которого накануне перетащили личные вещи. Голубое прозрачное море не привлекло наше внимание, мы были сосредоточены на каменной гряде, которую уже начал преодолевать Геннадий.

До искомого места пришлось карабкаться по камням. Внушительные валуны были набросаны друг на друга, создавая нечто вроде высокого волнореза. Покатые бока обточенных водой камней таили опасность, мы неловко и медленно перелезали друг за другом. Старик уже давно маячил на самом вершине каменной гряды. Он был ловким и сноровистым дядькой. Мои крос-

совки скользили и жалобно поскрипывали. Наконец мы добрались до вершины, и Геннадий показал на открывающуюся внизу долину.

– Там, – сухо сказал старик.

На первый взгляд долина не представляла ничего примечательного. С нашей точки обзора ею можно было полюбоваться. Необычная для российского глаза природа была в изобилии представлена на небольшом клочке земли. Мы возвышались над землей и четко видели очертания этой части острова. Можно было представить долину как козырек бейсболки. Мы находились на вершине кепки, а козырек, через несколько километров уходил в море. Весь участок земли, открывшийся перед нами, был ровный и полный растительности. Несколько видов деревьев и пальм особо кучно росли по периметру, центр условного козырька был прорежен. То тут, то там виднелись достаточно большие открытые участки, заросшие травой.

Мы осторожно спустились к основанию каменной гряды и в замешательстве устали на проводника.

– Осматривайтесь, – без настроения прокомментировал старик.

– А тут нет змей? – спросила Марина.

– Нет, есть ядовитые пауки, но сейчас их мало. Не сезон.

Мы, ежеминутно озираясь, пошли вперед. Марина оказалась смелой женщиной, она быстрым шагом углубилась в джунгли, я пыхтел и обливался потом, пытаясь не отстать. Через несколько минут многочисленные пальмы, незнакомые экзотические деревья и кусты папоротника расступились. Мы вышли на небольшую полянку, заросшую травой. Не обнаружив ничего интересного, продолжили путь, стараясь идти прямо – не хватало ещё заблудиться в джунглях.

Наконец мы достигли большого открытого пространства. Именно это место должно было, по мнению старика, произвести на нас впечатление и натолкнуть на мысли о неизбежном. По всей широкой поляне стояли, лежали и торчали из земли полуразвалившиеся клетки из бамбука. На первый взгляд они размещались хаотично, без понятной организации и логики. Ближе к зарослям, окружавшим площадку, уцелела одна конструкция, напоминавшая смотровую вышку.

Мы бродили между конструкций, ощупывали грубо сколоченные бамбуковые клетки, и с любопытством осматривали вырытые ямы, заросшие травой. Я набрался смелости забраться в одну из клеток. Оказалось, что она вкопана в землю, я провалился почти по грудь. Марина насчитала три развалившиеся сторожевые вышки. Вместе с одной уцелевшей, получалось четыре смотровых пункта на всю поляну.

Никаких страшных окровавленных разделочных пил, тесаков и крючьев, скелетов и пробитых черепов. Всё здесь было рукотворным, но понять назначение этого места спустя значительно время после ухода последнего человека было сложно. Я был готов предположить размещение здесь тюрьмы или даже подсобия скотного двора. На самом деле – в развалившихся клетках можно было содержать свиней или других животных.

Мы с Мариной перекинулись парой фразой и решили побродить еще. Я подобрал огрызок длинной когда-то палки, им было удобно раздвигать тяжелые листья пальм, мешающие свободному проходу. Надо было попросить у Пятницы мачете, сейчас бы выглядел умелым охотником, пробирающимся по диким джунглям.

Через двести метров мы уткнулись в непонятное сооружение. Деревянные конструкции и невысокий земляной вал окружали углубление в земле. Ландшафт уходил резко вниз, затем ровная площадка с незначительной растительностью простиралась до невысокой каменной преграды.

– Это грот, – сообщил старик, который всё это время на отдалении шёл за нами.

– А где вода? Или я что-то путаю?

– Грот, прежде всего, пещера. Но вода есть. Внизу.

Я рассмотрел грот внимательнее. Через пятьдесят метров от земляного вала, площадка под незначительным уклоном уходила под каменный свод. Верх арки зарос кустами и из-за этого не бросался в глаза. Под этим природным сводом чернел широкий, порядка двадцати метров, но не высокий проход.

– Пойдем? – Марина показывала вниз.

Геннадий не останавливал нас и мы, быстро преодолев незначительный барьер, спустились на низкую площадку. Пятьдесят метров мягкой пружинящей площадки промчались практически наперегонки, но замерли перед входом в пещеру. Там было темно, а у нас не было ни фонарей, ни даже факелов.

– Там достаточно света, – проводник не отставал и, обогнав нас, прошел в пещеру.

Он был прав, мы могли разглядеть пещеру изнутри. Она была небольшая. Каменный влажный свод поднимался на три, максимум четыре метра. Достаточно быстро он сужался и завершался уже в воде. Прохладная вода многие годы подтачивала породу и наконец, часть камней обрушились вниз, образовав эту небольшую пещеру. Потолок был рваным, острые неровные куски породы нависали над нами.

В глубине грота располагался небольшой водоем. Марина собиралась потрогать воду, но Геннадий резко оборвал её попытку:

– Не стоит, – старик мягко отстранил женщину от воды. – Это не наша территория.

Мы выбрались из пещеры и оглядывали окрестности, находясь в подобию большой ямы напоминавшей неглубокий карьер.

– Они расширили это место. Сверху подтащили грунта, укрепили конструкциями, – Геннадий показывал на земляной вал, – Всё это место заполняли водой. Им было интересно наблюдать за человеком. Здесь вода пресная, морские прогулки делали в открытом океане.

– То есть здесь купались? – неуместно спросила Марина.

– Купались амфибии, а люди тонули, – старик грустно посмотрел на нас. – Они ставили эксперименты. Могу рассказать подробнее, но сейчас пора вернуться к Пятнице.

Старик быстрым шагом пошел в обратном направлении. Сбитые с толку, скептически посмотрев ему в след, мы всё-таки решили не отставать. Мужик явно тронулся, но шёл на контакт. Если его не спугнуть, то можно вытянуть много другой информации. Желательно полезной для побега.

Мы вернулись к каменной гряде, отделявшей наш маленький пляж от этой части острова. Оказалось, что здесь нас поджидал Пятница, он принес ломти жареного мяса с лепешками. Очень кстати была вода, мы с Мариной практически полностью осушили кувшин с широким горлышком.

Расположившись под ближайшей пальмой, мы устроили небольшой пикник. В тени широких длинных листьев было не жарко, я был расслаблен и почти наслаждался отдыхом.

Старик молчал, у него не было настроения.

– Вы потеряли свой энтузиазм Геннадий? – Марина решила поддержать разговор, пока я увлеченно пережевывал сочное мясо.

– Я видел не только клетки, моя дорогая. Я видел людей в этих клетках. Несколько раз был свидетелем их подводных опытов.

Мы помолчали. Я не мог настроиться на его лад. Вся местность обильно заросла травой, представить себе опыты над людьми было реально, но получалось натужно, не естественно. Клетки выглядели обветшалыми и нефункциональными. Это место могло быть чем угодно. В тропическом климате любые сооружения без должного ухода мгновенно зарастают травой. Хозяевами этого лагеря могли быть любые дикари.

– Они пытались понять, на что способен человеческий организм. Всё начиналось с анатомии. Почти всех прибывающих, они разделявали под ноль. Изучали внутренние органы. Потом уже шли эксперименты. Болевой порог, лишение сна и пищи. Как если бы мы смотрели

на лягушек. Настоящие ученые – горько добавил Геннадий и помолчал. – В воде им было ещё интереснее. Вода их родная стихия, они хотели убедиться, что мы им не конкуренты.

Повисла гнетущая пауза. Я не вникал в сумасшедший мир старика, а он, похоже, погрузился в свои иллюзии без остатка. Его взгляд блуждал в неведомом мире.

– Всё прошло. Вы сами говорили, что это было давно, – Марина пыталась приободрить старика. – Лучше расскажите, как вы сами сюда попали.

– Да, – Геннадий нас не слушал, он неожиданно встрепенулся, – Петрушка сказал, что вивисекция закончилась.

– Вивисекция? – слово было знакомым, напрягая память, я вертел его на языке.

– Это расчленение живых животных. Операции разные, – Марина тоже пыталась вспомнить необычный термин.

– Угу, – подтвердил её слова Геннадий и меланхолично, без аппетита начал пережевывать лепешку.

Некоторое время мы потратили на еду. Я наелся и откинулся на спину. Сквозь листья пальмы просвечивало чистое небо. Редкие облака кустились у горизонта. Яркий насыщенный цвет неба напомнил, что мы очень далеко от дома.

– Вы упоминаете другого русского, Петра Алексеевича, кажется. Он ученый? – Марина продолжала вытаскивать из старика информацию.

– О да. Учёный. Только вот работает он не на людей, – у старика явно были старые счета к загадочному Петрушке. – Он молодой ещё. Трётся тут уже лет двадцать. Очень большой шишкой стал, – старик смачно сплюнул.

– И он на другом острове? – я лежал и, прищурив глаза, поглядывал на своих собеседников.

– Он много где, не знаю точно.

Очередная тема не вывела старика на откровенность. Мы никак не могли уйти дальше двух-трех фраз. Но старик неожиданно начал сам:

– Я попал сюда давным-давно. Сейчас какой год?

– 2017.

– Ого. Последний раз я смотрел на календарь в апреле семьдесят пятого. Мы вышли из Владивостока на рыболовном траулере. Я молодой, сразу после армии. Три года оттарабанив на флоте, решил и на гражданке не удаляться от моря. Нанялся в команду. Семьи нет, ждать некому, да и сам готов по полгода плавать. А деньги очень хорошие. Проплавали мы всего две недели. А дальше детективная история началась.

– Ага? – я не смог сдержаться от саркастичной вставки. Последние два дня были настоящей детективной историей, не уверен, что в жизни бывает запутанней.

– Посуди сам, – старик не стал реагировать на мой тон. – Всё что мы наловили, командир посреди открытой воды передал японцам. Оказалось, что вся команда в теме, только меня заранее не предупредили. Я же партийцем хотел стать, да и юношеский максимализм переливался через край. Ума не хватило до порта дожждаться, начал умничать, угрожать, – Геннадий вспоминал своё опрометчивое поведение с улыбкой. – Меня хотели сразу за борт сбросить, но один из уважаемых моряков заступился. Не знаю уж, что он во мне рассмотрел, но жизнь мне спас. Они меня на лодке на воду спустили. До сих пор не понимаю, как на такой риск решились.

– А вы к берегу?

– Если б я знал, где этот берег! Но мне в любом случае вёсла не дали, – усмехнулся оставленный когда-то умирать старик. – Болтался я по волнам как пробка. Воду выпил почти сразу. Потом жалел. Недели через две уже ничего не соображал. Очнулся здесь.

– Я думала, интереснее история будет, – искренне призналась Марина.

– Вот ты бы в лодке по океану поболталась сама, а потом рассуждала, – без тени обиды ответил Геннадий.

Старик немного развеялся и воспарял духом. Даже щёки порозовели.

– Пора нам ребята возвращаться, – Геннадий поднялся и заботливо собрал весь нехитрый арсенал кокосовых тарелок. – Ваши друзья уже наверняка вернулись. Твой муж лютовать будет.

Марина помрачнела и опустила взгляд.

– Бьет тебя? – Марина вздрогнула. – Не удивляйся. Я сорок лет наблюдаю за людьми, не зная языка. Научился определять отношения без слов, по интонациям. Вижу их взгляды, повадки, прикосновения. Многого открывается, когда не отвлекаешься на болтовню.

Я ошарашенно смотрел на Марину. Конечно, все знают про семейное насилие, но лично мне сталкиваться с такими вещами не приходилось.

– Мне бы не хотелось это обсуждать, – Марина вскочила с места и полезла на камни.

Остаток недолгого пути мы преодолели, не перекинувшись и парой слов. Вся наша команда вернулась ни с чем. Они были разочарованы и без дела шатались по дворику перед хижиной. В самом сарае нарисовались два аборигена с нашей яхты, они шушукались в дальнем конце домика на своих койках.

– Обошли всё, но ничего нет. Абсолютно, – Паша докладывал мне о результатах поисковой операции. – Вышли при свете дня на перешеек. Я тебе утром говорил. Там никого не было. Но мы не рискнули перелазить. Попробуем завтра.

Я не слушал старого друга. Вадим что-то зло выговаривал Марине, она никак не реагировала, стояла перед ним, опустив голову. Несколько дней в таком условно закрытом пространстве могли преподнести ещё множество сюрпризов. Скелеты в шкафу есть у каждого, а наше положение стремительно обрастало экстремальными условиями, в которых, как каждый знает, проявляется истинная суть людей.

Глава 4.

– Надо спланировать наши действия, – Франсуа рассматривал Кратер в бинокль.

Мы остановились в нескольких километрах от поселения. Кратером это место называли из-за его ландшафта – резко уходящая вниз впадина, окруженная с двух сторон редкой растительностью и закрытая от моря невысокой горой. Мы приближались с четвертой, пустынной стороны. Нас было видно издалека, мы не пытались скрываться или прятаться, но нужно убедиться в безопасности. Кратер мог быть захвачен черепахами, а еще хуже – людьми.

– Ну что там? – Ян изнывал в нетерпении.

– Все нормально, флаги висят, – прокомментировал Кшиштоф.

Захватить Кратер задача не простая. В поселении собрались самые отчаянные, не смирившиеся люди со всего острова. Много лихих и отважных жителей вперемешку с изгнанными из других поселков из-за крутого нрава или различных преступлений. У нас не было тюрем и сформировавшейся системы правосудия, провинившихся просто изгоняли. Большинство умирало в пустыне или становилось жертвой промышлявших на острове банд, некоторые добирались до Кратера и вступали в ряды непримиримых борцов со всем и всеми.

Туземцы Кратера охотились на черепах и случайных людей, они практически не занимались каким-то другим промыслом или хозяйством. В обычной жизни этот поселок я бы назвал сборищем разбойников и пиратов, но в современных условиях они оставались почти что цивилизованными и соблюдали определенный кодекс чести.

– Я предлагаю подарить старосте панцирь, в обмен мы вправе рассчитывать на их благосклонность.

Жители Кратера имели лодки. Роскошь по нашим меркам. По только известным им маршрутам группы отчаянных авантюристов прорывались в море, рыскали в поисках добычи. Еще год назад они регулярно натыкались на брошенные корабли, где можно было пожить

провиантом, полезными инструментами и другими вещами. Особую ценность представляло топливо, которое сливали в бочки и хранили как зеницу ока.

В отсутствие государств, денежной системы и нормальных экономических связей на острове расцвел бартер. Обмен предметами стал культом, ради перевозок организовывались многочисленные караваны, большинство торговых путей проходило через изобилующий товарами как восточный базар Кратер. Мы, охотники, обычно привозили панцири, в обмен, получая еду или одежду.

Во время процветания поселка сюда стекались самые хваткие мужчины и лучшие женщины. Густонаселенному поселку требовались новые люди, много вещей, и каждый приход сюда обещал выгодные сделки, но сейчас почти всякий выход в море оставался без улова. Кратер затухал и не мог ничего предложить для обмена, многие сбегали в поисках лучшей жизни.

– Променять панцирь на женщину. Она даже не твоя, – Кшиштоф привычно ворчал.

– Вряд ли она у них, хоть бы информацию добыть, – мрачно процедил Оуэн.

– Ладно вам парни, через неделю, а то и меньше, нам эти панцири не понадобятся.

– С твоим планом нам даже гробики не понадобятся, амфибии нас хоронить не будут, – Франсуа дежурно покритиковал задуманный мною план и собрался в дальнейший путь.

Несколько километров мы преодолели без остановок. Подход к Кратеру просматривался, нас наверняка уже ждали и мы резонно нервничали. Наша группа немногочисленна и уязвима. Ходили упорные слухи о наличии в поселке огнестрельного оружия, сами жители это отрицали, но такое было вполне вероятным.

***

– Какой у вас дальнейший путь, друзья? – староста принимал нас в своем кабинете.

Сама пещера соответствовала слову кабинет как мой самодельный лук званию спортивного снаряда, но сам господин Ярвинен настаивал именно на такой терминологии. Нас провели к нему сразу, жители не любили празднующихся по поселку.

Весь Кратер был усеян выкопанными пещерами в стенах воронки, которая и дала название поселку. В этих норах жили люди, хранили провиант и другие вещи. Я предполагал наличие множества других выкопанных пещер и ходов, которые были скрыты от глаз непосвященных.

– Тапани, мы ищем женщину, мне надо помочь своим друзьям, – я всегда вел переговоры от имени нашей группы.

– У нас давно не было новых женщин, – стареющий финн плотоядно облизнулся.

– Может новую ты бы и скрыл от нас? – Кшиштоф почему-то сильно не любил старосту Кратера и сейчас не сдержался от едкого вопроса.

– Если мой русский друг кого-то ищет, мой долг помочь, – дипломатично ответил Тапани. – Что за женщина, Семён?

– Русская. Она из группы, с которой я попал сюда.

– В моем маленьком Вавилоне нет русских, я сожалею.

Давным-давно с чьей-то лёгкой руки наш остров прозвали Вавилоном из-за по истине сумасшедшего разнообразия языков и наций. Объединяющим всех людей предсказуемо стал английский язык, современный эсперанто. Не владеющие английским были ограничены в своих возможностях, приходилось схватывать на лету. Тапани Ярвинен незастойливо называл свои владения маленьким Вавилоном.

– Вряд ли она смогла бы добраться сюда, – прежде всего я искал информацию. – У вас сохранилась агентская сеть?

Кратер имел сеть информаторов по всему острову, опорные пункты, оборудованные рациями. В свое время амбициозный финн хотел объединить остров и распространял свое

влияние не только подачками и взятками, в ход шли разведчики, шпионы и мобильные дозоры, для контроля за перемещениями по всей территории, занятой людьми. Конечно, это не афишировалось, но скрыть такую бурную деятельность было невозможно.

– Да какая там сеть, Семён, – Тапани вяло махнул рукой. – Посмотри вокруг, мы в упадке. Невозможно поддерживать влияние без постоянного притока добычи. Мы потеряли несколько поисковых групп, остальные боятся выходить в море.

В одной из вылазок участвовал сын Ярвинена, никто не вернулся и теперь ещё достаточно молодой Тапани быстро старел от горя.

– Тем не менее, – я продолжал мягко давить на местного старосту, – такой человек как вы, несомненно, поддерживает боевой дух своих людей. Наша с вами история насыщена событиями и нет нужды вспоминать всё-то доброе, чем мы обязаны друг другу.

Только я и Тапани Ярвинен знали о моем козыре в рукаве. Я не собирался им пользоваться, но староста знал, что раскрою я карты, он слетит со своей должности в тот же момент.

– Передай Матиасу всю возможную информацию, он радирует на посты и постарается выяснить что-нибудь полезное, – староста красноречиво покосился на моих людей, всё сказанное здесь не должно выйти за пределы Кратера.

Мы расположились в самом низу. Местные жители не любили постояльцев, на нас подозрительно посматривали, и никто не выражал желания вступить в диалог. Этим Кратер разительно отличался от других поселков. Обычно любой путник подвергается многочисленным расспросам – людям не хватает информации об окружающем мире и они хватаются за любую возможность узнать что-то новое.

– Какие шансы, что она еще жива? Одинокую девчущку подберут быстро, – Кшиштоф никак не унимался со своими рассуждениями. – Сам понимаешь, участь такой пленницы не завидна. Она же красивая? Хотя это и не имеет значения.

– Кшиш, не беси меня, – ответил я по-русски.

– Не закипай, я рассуждаю.

– Нам все равно нужно на Мыс. Кратер был по дороге. Любая информация полезна, а Тапани чуть ли не самый осведомленный человек в Вавилоне.

Кшиштоф насупился и смотрел прямо перед собой. Я знал, что внутренне он со мной согласен. Добрый, как и большинство крупных людей, он приходил в ярость от одной мысли о разбойниках, изнасилованиях и прочих мерзостях, которые творились в пустынных местах острова. Такие рассуждения были его защитой, он пытался отдалить себя от совершавшихся рядом преступлений, но все равно жестоко страдал и изводил себя за беспомощность.

– Вот!

Ян гордо показывал мешок с консервами, которые нам выдали в Кратере в обмен на добытый панцирь. Многие считают местных жителей рвачами, говорят о несправедливости бартера, но я никогда не забывал о рисках морских операций. Искать добычу в открытой воде удел храбрецов, любая опасность на земле не сопоставима с океаном.

– Смотри один не слопай, я тебе желудок вырву, – дружелюбно погрозил поляк.

– Ты о себе слишком высокого мнения, старик, – Ян демонстративно прокрутил несколько вертушек, размахивая ногами на уровне головы взрослого человека.

Братья Макгроу могли бы задать трепку Кшиштофу, но только вдвоем. Поодиночке у них не было шансов в рукопашной против польского исполина – уж очень большая разница в весовой категории.

– Что-то новое замечали в последнее время? – Джек Ван, начальник местных охотников присоединился к нашей компании.

– Нет, за последний месяц мы даже бандитов не видели.

– Мы видели, они переместились чуть восточнее. С тех пор как Спарта пала, там много простора для мародёров, – Джек сплюнул.

Спартой называли поселок в центре острова. Его организовали греки, хотя это единственное, что объединяло селение с военным государством-полисом. Жители деревушки занимались мирным трудом, одомашнили и разводили скот – нормальная жизнь для большинства маленьких общин. Люди пытались выжить и объединялись по интересам. К сожалению, мародёры были самым активным альянсом людей.

– Их там вырезали? – было жутко обидно за мирных людей.

– Мы сами туда не ходили, но... – Джек замялся.

– Ваши информаторы... – я помог ему начать.

– Связь прекратилась два месяца назад, – начальник охотников решил закончить лаконично.

Может быть, и стоит объединить усилия для боя с мародерами. Эти бандиты не дадут жить спокойно, а перед бегством с острова было бы здорово раздать всем по заслугам. Но это требовало времени и чрезмерных усилий. Моя команда была оптимальна для мелких стычек, отслеживание и большие бои не наша компетенция.

– Ты собираешься плыть к ним?

Ван перешел на тихий по-заговорщицки тон. Удивительно насколько быстро распространяются слухи. Никак Франсуа проболтался, француз пытается вербовать понравившихся ему людей. Азиат Джек был умелым бойцом и опытным охотником, я понимал интерес Пинара к такому человеку.

– Да, Джек. Хочу попробовать.

– Но как? Через йеклей?

Идея доплыть до острова высших рептилий многим казалась утопичной. Помимо сомнительной перспективы переговоров, добираться до острова придется через младших братьев рептилий – йеклей. Все наши скромные знания о современном мире и раскладе сил были обрывочны и многие вполне справедливо допускали возможность дезинформации от людей и черепах.

– Основная мысль сделать это быстро. Рискнуть.

На самом деле детального плана ещё не было, только уверенность в благополучном исходе. До острова мы точно могли доплыть без приключений, йеклей не так уж и много, они не могут патрулировать каждый кубический метр воды.

– Тапани не даст вам лодки, Семён, – Джек сокрушенно помотал головой.

– И оружия? – добавил я с лёгкой улыбкой.

– Нет никакого оружия, это все сказочки. Мы ни разу не находили военный корабль, только сухогрузы да яхты разные.

Поисковые группы Кратера не задерживались на кораблях. Боялись привлечь внимание, торопились. Но оружие можно найти и на гражданском корабле, тем не менее, местные твердо стояли на своем.

– Тебе Франсуа про наш план рассказал?

– Я сам спросил. Знаю твой характер, тоже хочу отсюда выбраться, но у меня семья.

– Знаю.

Джек сошелся с одной итальянкой. Она была значительно старше, но в наших условиях особенно не повыбираешь. Полтора года назад у них родилась девочка, и теперь Ван не выходил в море, старался держаться поближе к поселку. Такой воин, боящийся умереть, плохое подспорье в нашей работе. Джек это знал лучше других.

– Ты хочешь выбраться на родину? – Ван смотрел на меня зачарованно, будто я уже поднимался по трапу и улетал домой.

– В идеале. Но Россия очень далеко.

– Вьетнам ближе, – зачем-то прокомментировал Джек.

– Возможно это хуже для Вьетнама.

Прибрежные города и страны должны были стать первой добычей рептилий, а вот Россия с её суровым климатом могла устоять. Черепахи не плавали в холодной воде, хотя я предполагал возможность их кратковременных военных бросков через северные моря, они также умели использовать подземные течения.

Рептилии нанесли удар преждевременно, они не были готовы к войне, не все подготовительные мероприятия были закончены. По нашей информации Северная Корея атаковала американский флот. Не знаю было это реальной попыткой развязать войну или единичным агрессивным актом, но ракеты посыпались по всей земле. Китай, Россия и НАТО обменивались ударами вперемешку с дипломатическими нотами. Странная война, которую никто не хочет, но не может избежать. Тут то и выступили черепахи.

Точно известно о провале первоначального плана рептилий. Они хотели ударить по всей земле, уничтожить людей на корню. Только мы, на этом и нескольких других островах, должны были продолжить род. Животное многообразие на планете – рептилии, как высшие разумные существа, ответственно относятся к разнообразию видов.

Черепахи не справились, не были готовы. Они проделали колоссальную работу, предотвращали техногенные катастрофы, спланировали остановку всего, что могло угрожать без примотра человека. Но блицкриг не удался. Не осознавая этого, люди спровоцировали черепах на раннюю атаку, и теперь расклад сил был не понятен. Мы жили в изоляции, без связи с внешним миром и не могли оценить масштабы бедствий.

До катастрофы я жил в крупном городе – важная цель для противника. Был ли шанс выжить у моих родителей? Неизвестность изводила меня.

– Её видели по дороге к Мысу.

Матиас, местный радист, торжественно доложил о завершении поисков. Я облегченно выдохнул и поблагодарил немца.

– Ты что-то знаешь об аэродроме? – задал любимый вопрос Ян.

В соответствии с нашим амбициозным планом, пока я буду плавать в океане в поисках кораблей и города рептилий, Ян и остальные сосредоточатся на поисках мифических самолетов. Я не верил в их существование, но людям нужна цель. Младший Макгроу среди нас выделялся романтизмом (скорее всего из-за возраста) и слепой верой в островные байки.

– Не больше других, – охотно ответил Ван. – В пустыне, глубоко замаскированный, возможно подземный. Мы объявляли большую награду за реальные сведения, но приходили одни балаболы. Одна группа даже пропала, проверяя очередные координаты. Вавилон вроде бы и не большой, но пустыня кажется огромной.

Центр острова закрывала пустынная плоская равнина, достаточно обильно усеянная небольшими горами и оазисами. Кроме Спарты никто не селился в песках, и территория была мала изучена. Исследовать пустыню было опасно из-за мародеров, жары и многочисленных ползающих ядовитых гадов.

– Почему не организовать большой экспедиционный корпус и не исследовать территорию метр за метром? – Кшиштоф был как всегда обезоруживающе прост, но на такие работы никогда не подписывалось больше десяти человек сразу.

– Потому что из-за ветров и песка ландшафт постоянно меняется. Сегодня ты нанес на карту оазис с водой, а завтра на этом месте только холм песка, – назидательно пояснил Ван.

А ещё никому это было не нужно. Я пришел к этой мысли давным-давно. Большинство людей смирилось со своей жизнью, наладило маломальский быт. Не хотелось рисковать и потерять то немногое, что давал остров. Отдельные смельчаки объединялись в группы, но они постепенно исчезали, проигрывая рептилиям, суровой природе и другим людям. В Вавилоне человеку главной угрозой был его же собственный соплеменник.

– Если бы люди объединили все свои усилия. Ваше оборудование и лодки, злобу мародеров и навыки охотников. Собрать всех мужчин и боеспособных женщин... Мы можем пере-

играть рептилий, только не хотим, – на прощание я высказал Джеку давно терзавшую меня мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.